

А.А. Кротов

К истории картезианской традиции: оппортунизм Кордемуа

Среди теоретиков картезианской школы Жеро де Кордемуа (1626–1684) принадлежит к числу наиболее влиятельных. Он оказал заметное воздействие на развитие механистической физики Нового времени, способствовал укреплению авторитета атомистического учения в философской культуре XVII –XVIII вв. Идеи Кордемуа весьма важны для понимания истории новоевропейской метафизики (особенно в контексте их взаимосвязи с наследием Лейбница и Мальбранша). Французский мыслитель придал новый импульс развитию картезианской физики, выдвинув программу ее соединения с атомизмом. Уже в XX столетии, во многом благодаря позиции Н.Хомского, специалисты обратились к лингвистической концепции Кордемуа. Кроме того, необходимо отметить, что французский философ – крупнейший теоретик картезианской педагогики.

Кордемуа – достаточно известная фигура своей эпохи. Он родился в Париже, в дворянской семье. Избрав карьеру адвоката, он вместе с тем активно занимался математикой и философией, посещал собрания картезианцев и принимал участие в их дискуссиях. В 1666 г. вышло в свет его главное философское произведение – «Различение тела и души». Два года спустя он опубликовал письмо к священнику Габриэлю Коссару, в котором стремился доказать тезис о полном согласии системы Декарта со Св. Писанием. В том же 1668 г. вышла в свет его «Физическая речь о слове». В 1673 г., благодаря дружбе с Боссюэ, Кордемуа становится одним из учителей наследника французского престола, преподает ему историю.

В 1675 г. Кордемуа избран членом французской Академии, которую возглавил в 1683 г. В последние годы жизни он работал над «Историей Франции» (тома 1–2, опубликованы в 1685–1689 гг.).

В «Различении тела и души» Кордемуа разрабатывает окказионалистскую теорию психофизического взаимодействия. В «Предисловии» он говорит, что именно философия делает людей способными ясно различать всякую вещь, помогает вести рассуждения без опоры на традиционные предрассудки. Вот почему знание философии полезно людям разных профессий. Начинать же ее изучение лучше всего с того, что относится к каждому из людей, с вопросов о природе души и тела. В раскрытии этих «начальных», т. е. принципиальных вопросов философии автор «Различения...» видел свою главную задачу. По его мнению, союзом души и тела, так же как и их взаимодействием, «всегда восхищались, не объясняя их»¹.

В начале первой «речи» о «различении души и тела» Кордемуа констатирует: всем известно о существовании материи, однако мало кто имеет ясное понятие о ней. Данное обстоятельство – причина «почти всех ошибок» общераспространенной физики. Материя, по его мнению, – не субстанция, но сочетание множества первоэлементов, мельчайших телец. Именно они и обладают подлинным субстанциальным бытием, будучи неделимыми, неизменными, непроницаемыми, протяженными и чувственно не воспринимаемыми. Причем количество их «практически бесконечно». В обоснование своей позиции автор «Различения» выдвигает ряд аргументов. Во-первых, доказательством тезиса о субстанциальности неделимых протяженных телец служит, по его мнению, свидетельство «естественного света» разума. «Естественный свет» говорит человеку о том, что одна и та же субстанция не может быть делима на части, существующие изолированно и независимо друг от друга. Во-вторых, вышеупомянутый тезис подтверждается выявлением сложностей и «неудобств» альтернативной позиции. Первое из таких «неудобств» – неспособность противников атомизма объяснить делимость материи. По Кордемуа, основная трудность здесь заключается в том, что ни у кого из людей нет ясной и отчетливой идеи неопределенно большой делимости. Другое «неудобство» альтернативной позиции – ее неспособность объяснить покой тел. Третье связано с тем, что она не может дать верного представления

и о движении тел. Ведь если признать материю делимой, то нужно согласиться, что тела должны разлагаться на части в случае, когда на них действуют с разных сторон другие тела. Итак, концепция делимости материи, сталкивающаяся с трудностями в вопросе о природе движения и покоя, представляется совершенно неплодотворной в области физики. Приняв тезис о существовании атомов, Кордемуа допускает также и наличие пустоты.

Согласно автору «Различения», помимо мельчайших телец, в мире имеется и другой род субстанций – души. Знание о существовании души – непосредственное, наиболее достоверное для нашего ума. Истинной причиной происходящих в мире движений, по Кордемуа, может быть только духовная сущность. Прежде всего потому, что никакое тело не обладает способностью к самодвижению. Данный тезис французский мыслитель стремится обосновать от противного: если бы тела могли двигать сами себя, тогда эта способность была бы от них неотделима, и они не могли бы терять движение. Однако из опыта известно, что тела прекращают двигаться, несколько не меняясь в своей сущности. Значит, движение не является атрибутом телесных субстанций. Поскольку же, кроме тел, существуют только духовные субстанции, то именно дух и следует признать подлинным двигателем всякого бытия. Правда, таким двигателем не может быть человеческий дух. В подтверждение этого последнего положения Кордемуа приводит несколько доводов: многие тела в этом мире уже двигались прежде, чем у людей появились какие-либо желания на их счет; если бы человеческий дух был причиной движения, то оно непрерывно возрастало бы в масштабах Вселенной, а этого нет; если бы человеческие души производили движение тел, то они могли бы его непрерывно сохранять, а это не в нашей власти и т. п. Следовательно, «никакое тело, никакой сотворенный дух, каким бы совершенным он ни был, не является истинной причиной никакого движения и может быть только поводом к нему»². Должен существовать особый, «первый Дух», который один только в состоянии непрерывно сохранять как свое бытие, так и постоянное количество движений в мире. Этот особый Дух – Бог: «если бы хотели найти... истинную причину, нужно было бы всегда восходить к Богу»³. Столкновение двух тел – только повод для высшего духа, который он использует, чтобы осуществить передачу движения. Поскольку же люди не

могут чувственно воспринимать эту духовную субстанцию, они склонны считать самой причиной движения тела то, что является лишь поводом такового. Действительная причина связи души и тела – Бог, который движение тела использует в качестве повода для сообщения душе определенных представлений, а мысли души – как повод для передачи телу определенных движений. Такова, по мнению автора «Различения», природа психофизического взаимодействия.

В работе «Физическая речь о слове» Кордемуа применяет окказионалистский подход к лингвистическим проблемам. «Физическая речь» выступает своего рода продолжением «Различения»: самопознание дополняют вопросы, характеризующие процесс постижения других людей. Автор «Физической речи» трактует слово как важное средство познания других разумных существ. В начале «Речи» французский мыслитель говорит о том, что именно употребление слов – доказательство одушевленности других людей. Замечая во внешнем мире тела, подобные собственному, человек склонен приписывать им сходную жизнь. При этом, следуя правилу принимать за истинное только очевидное, правомерно поставить под сомнение уверенность в наличии в мире множества душ. Не всякий объект, издающий звуки или пользующийся словами, имеет мысли. Согласно Кордемуа, надежное свидетельство наличия мышления, а следовательно, и его субстанциального носителя, души – порядок слов, связь между ними. Произносимые другими слова зачастую те же самые, что и используемые нами в сходных обстоятельствах. Кроме того, слова, произносимые в присутствии других, как правило, приводят именно к тем действиям, которые мы ожидаем. Следовательно, эти слова получают должное понимание, что подтверждает предположение о присутствии мышления, аналогичного нашему, за пределами нашей души. Таким образом, слово – «самое надежное средство, которым я располагаю, для познания того, действительно ли все тела, совершенно похожие на мое, суть люди, как и я»⁴. Кордемуа настаивает на том, что животные должны рассматриваться как механизмы, лишённые души. Попугай, повторяющий всегда те же слова и в том же порядке, лишен даже малейшей мысли. Для того, чтобы объяснить крики животных, достаточно внимательно изучить строение органов их тела.

Сущность речи Кордемуа видит в сообщении идей посредством знаков: «Говорить, на мой взгляд, не что иное, как сообщать то, что мыслят, тому, кто способен это понять», «говорить, в общем, не что иное, как обнаруживать знаки своей мысли»⁵. Французский мыслитель выделяет три вида «внешних знаков», которые пригодны для названной цели. Во-первых, «естественные», выражающие страсти души посредством произвольных движений тела. Например, довольное или грустное выражение лица, блеск глаз и т. п. – достаточно надежные знаки, свидетельствующие о внутреннем состоянии души. В то же время зачастую подобного рода знаки вводят в заблуждение: отнюдь не всегда внешний вид в точности отражает происходящее в уме. Во-вторых, Кордемуа говорит о «знаках по установлению», благодаря которым люди могут прийти к соглашению о том, что некие звуки или буквы будут указывать на строго определенную вещь. «Знаки по установлению» подразделяются на устные и письменные. Таким образом, жесты, слова и буквы образуют три вида внешних знаков. Именно перечисленные знаки служат важным средством, способствующим созданию и сохранению человеческого общества.

«Одна из основных вещей, которую я нахожу достойной рассмотрения, касающегося этих знаков, состоит в том, что они не имеют никакого сходства с мыслями»⁶. Язык жестов – самый универсальный из возможных, т. к. легко понятен всем народам. Жесты – «самый наивный способ выражения своих мыслей: это также первый из всех языков»⁷. Среди знаков, возникающих по установлению, Кордемуа выделяет «обыкновенные» и «частные». Первые используются большим числом людей, как правило, целым народом, вторые – только некоторыми лицами для сообщения сведений, широкая огласка которых кажется нежелательной. Буквы, полагает французский мыслитель, первоначально использовались для обозначения каждой единичной вещи. При этом приходилось изобретать слишком много букв и запоминать большое количество значений. Постепенно люди осознали, что гораздо легче связать буквы со звуками и перешли к другой форме письменной речи.

Возникновение языка, как и его изучение, должно проходить сходные этапы. Данное обстоятельство, по Кордемуа, объясняется конвенциональной природой языка. Его создание предполагает установление имен различных вещей, а также качеств и действий

(существительные, прилагательные, глаголы). По мнению Ноама Хомского, особое значение для современной лингвистики имеет учение Кордемуа о немеханическом характере языкового употребления⁸. Заметим, что большое внимание в своей работе французский философ уделяет физиологическим аспектам речи.

Кордемуа настаивал на необходимости применения окказионалистского подхода к объяснению языковой деятельности. Установленный Создателем характер отношений между душой и телом делает неизбежным использование знаков для выражения своих мыслей. Души людей, связанные с телами, нуждаются для сообщения мыслей друг другу во внешних, т. е. физических знаках. При этом следует различать два аспекта звука: один – относящийся к телу (возбуждение нервов, движение воздуха), другой – к душе (восприятие). «Точно так же в слове имеются две вещи, именно создание голоса, которое может исходить только от тела... и значение или идея, к нему прибавляемая, которая может быть только со стороны души»⁹. Соответствие имен идеям устанавливается людьми, но сама возможность и необходимость такого рода соединения связана с общими законами бытия, согласно которым мысли души выступают поводом для движений тела и наоборот.

Кордемуа полагает, что душам, лишенным тела, гораздо легче сообщать свои мысли друг другу. Разумные существа такого рода не нуждаются в использовании голоса, их единственный инструмент – воля. Разуму к тому же гораздо легче постигать идею, чисто «духовную вещь», чем материальный знак этой идеи. Воля разумных существ в данном случае выступает в роли окказиональной причины, используя которую Бог делает доступными мысли одной души для другой. «Отсюда с необходимостью следует, что без Бога также невозможно для наших душ иметь новые восприятия, как невозможно для тел иметь новые движения»¹⁰.

В сочинении «О реформировании государства», опубликованном 1691 г., Кордемуа выступает сторонником монархической системы правления. Значительный интерес представляет педагогическая концепция, развиваемая им в названной работе. Реформирование государства, по его мнению, во многом определяется изменениями в системе воспитания. Кордемуа критикует принципы воспитания, принятые в современных ему государствах, и настаивает на их ложности. Воспитание детей, утверж-

дает он, до сих пор строилось в расчете на управление их страстями. Формировать духовный облик маленьких жителей страны пытались, используя игрушки, вкусную пищу, красивую одежду, обещание наград. Подобный подход делает людей черствыми, завистливыми, поощряет соперничество и «тысячу дурных мыслей». В конечном счете, страсти связаны с телесной, низшей природой человека. Истинный метод воспитания, настаивает французский мыслитель, заключается в развитии разума. Сильнее всего воздействуют на ум самые первые мысли о вещах, встречающихся на нашем пути. Вся последующая жизнь во многом зависит от того, какими идеями питался ум ребенка. Кроме того, Кордемуа утверждает, что интеллектуальные способности человека сами по себе одинаковы как в раннем, так и в зрелом возрасте. С момента рождения люди уже обладают «полным разумом», что доказывает способность детей обучаться языкам¹¹. Если же дети часто представляются несмышленими, то это объясняется недостатком опыта, незнанием тех или иных конкретных обстоятельств, относительно которых они пытаются рассуждать. Отсутствуют в данном случае не способности, а материал, который должен служить объектом их анализа. Не следует забывать и того, что мирская мудрость зачастую связана с пониманием традиций, обычаев той или иной страны, многие из которых весьма далеки от того, чему учит людей природа. Таким образом, педагогическая концепция Кордемуа предполагает, что основой обучения выступает влияние на разум, но не на чувства детей. Важнейшей установкой данной концепции является стремление уже в юном возрасте сообщать учащимся самые общие знания о религии, обществе и государстве. Французский философ выделяет три этапа воспитания человека. Первый этап, с пяти до десяти лет, предполагает изучение основ религии и гражданских законов. Названным занятиям должны быть отведены утренние часы, т. к. первая обязанность человека – познание Бога, вторая – уяснение своего гражданского долга. Далее, детей следует обучать умению правильно говорить, танцевать, им также должны преподаваться латынь, география и искусства. Детей нужно приучать никогда не лгать и серьезно наказывать за произнесение ругательств и оскорблений. Уже в ходе первого этапа воспитания ученики приходят к осознанию того, что обязанности по отношению к Богу, государю, стране стоят выше

личных интересов каждого. Таким путем они постепенно приходят к представлению об истинном счастье. Второй этап воспитания – с десяти до пятнадцати лет – касается молодых людей. На этом этапе продолжается обучение языкам, древнему и родному, а также углубленно разбирается церковная история. Значительное время уделяется истории последнего столетия и биографиям выдающихся деятелей. Учащиеся усваивают подлинную идею чести, которая заключена не в необычных поступках, а в выполнении требований долга. Второй этап предполагает углубленное освоение права. Далее молодым людям преподают математику, астрономию, музыку, анатомию, химию. Кроме того, их обучают верховой езде, борьбе, плаванию. На третьем этапе, – с пятнадцати до двадцати лет, – продолжается изучение языков на примере классических текстов. Молодые люди осваивают всеобщую историю, риторику, мораль. Они занимаются верховой ездой и «всеми теми вещами», которые обязан знать благородный человек. Завершив вышеописанное обучение, молодой человек, по Кордемуа, вполне подготовлен к тому, чтобы управлять собственными страстями, руководить семьей, служить Богу и государству.

В обширном письме к Коссару Кордемуа стремился обстоятельно обосновать тезис о полном согласии учения Декарта о вселенной с текстом Библии. «Единственное различие, которое вы там обнаружите, состоит в том, что господин Декарт описывает вещи более детально и с целью познакомить с ними через них самих; вместо того Моисей пишет как историк, который говорит о природе лишь столько, сколько нужно, чтобы заставить нас восхищаться могуществом ее Создателя»¹². Декарт, устанавливая исходные принципы своей философии, подчеркивает автор письма к Коссару, большое внимание уделяет доказательству бытия Бога. Кроме того, по мнению Кордемуа, Декарт признавал идею творения мира, философски проясняя то, что исторически изложено в Св. Писании. Например, образование небесного свода (тверди) научно поясняется картезианской теорией вихрей и т. д.

В двух небольших «Трактатах о метафизике», вышедших в свет в 1691 г., Кордемуа разбирает проблемы счастья и свободы воли. В первом «Трактате» он говорит, что Бог сотворил души для их счастья, человек же уклонился от выполнения повеления свыше, совершив грехопадение, однако, благодаря искуплению, вечное

блаженство вполне достижимо для людей. Во втором «Трактате» французский мыслитель рассуждает о том, что к Богу восходит «все реальное в наших действиях», причем человек, несмотря на это, сохраняет свободу. Бог – причина всего существующего, как материального, так и духовного. Будучи истинной причиной восприятий ума и движений тела, Бог отличен от них. Человек без Бога не смог бы ничего совершить, и все же то или иное действие производит человеческое тело, а не Бог. Страсти, желания также принадлежат людям. Поэтому все дурное и ущербное в наших делах исходит от человека, не от Бога.

Историки философии обращались главным образом к различным аспектам физической и метафизической концепций Кордемуа. Франсиск Буйе полагал, что именно Кордемуа «первый во Франции» ясно установил целостное учение об окказиональных причинах в качестве следствия из философии Декарта¹³. Жан Филибер Дамирон, напротив, относит Кордемуа к числу мыслителей второго плана, чьи «учения не имеют ничего оригинального»¹⁴. Диаметрально противоположный вывод формулирует Жозеф Прост: Кордемуа полностью модифицирует картезианскую физику и в этом отношении «его оригинальность бесспорна»¹⁵. Поль Муи вполне справедливо характеризует физическую концепцию Кордемуа как механистическую в своей основе, а также разграничивает физический и психофизиологический аспекты окказионализма. По его мнению, Кордемуа осуществил «двойную и глубокую реформу картезианства»¹⁶. Эмиль Брейе отмечает, что Кордемуа дает «четкую формулу» окказионализма, при этом некоторыми положениями своего учения о причинности «почти предвосхищает» Юма¹⁷.

Идеи Кордемуа оказали определенное влияние на взгляды таких классиков философии «века разума», как Лейбниц и Мальбранш. Согласно Лейбницу, Кордемуа хорошо понял и показал недостатки и внутренние трудности физики Декарта. В работе «Новая система природы и сообщения субстанций» (1695) Лейбниц с одобрением отзываясь о стремлении Кордемуа «оставить Декарта» в вопросе о сущности материи. По мнению немецкого философа, плюралистический подход к описанию реальности вполне оправдан – солидаризируясь в этом с Кордемуа, а также в вопросе о простоте и неделимости первоэлементов, Лейбниц вместе с тем критикует его

за попытку защиты учения о материальных атомах. Истинные субстанциальные единицы, неделимые элементы вещей, по Лейбницу, вовсе не атомы, а духовные монады. Что же касается Мальбранша, то уже в первом своем крупном произведении «О разыскании истины» (1674–1675) он ссылается на Августина, Декарта и Кордемуа как на мыслителей, лучше остальных объяснивших различие души и тела¹⁸. Как и Лейбниц, Мальбранш отвергает атомистическую концепцию Кордемуа. При этом автор сочинения «О разыскании истины» находится в достаточно сильной зависимости от окказионалистского учения последнего о взаимосвязи субстанций.

Кордемуа не создал всеобъемлющей философской системы. Он ограничился анализом антропологической проблематики и связанных с ней вопросов физики. В то же время его учение явилось важным этапом в развитии новоевропейской метафизики. Окказионализм Кордемуа подготовил почву для появления системы Мальбранша, крупнейшего представителя картезианской школы. Именно Мальбранш в дальнейшем разработал, детализировал и систематизировал различные аспекты окказионализма, придав им характер цельного синтеза.

Примечания

- ¹ Cordemoy G. de. Oeuvres philosophiques. P., 1968. P. 145.
- ² Ibid. P. 92.
- ³ Ibid. P. 144.
- ⁴ Ibid. P. 203.
- ⁵ Ibid. P. 206, 196.
- ⁶ Ibid. P. 209.
- ⁷ Ibid. P. 211.
- ⁸ «В рассуждениях Кордемуа главным для нас является акцент на творческом аспекте языкового употребления и проведение основополагающего различия между человеческим языком и чисто функциональными коммуникативными системами животных, зависящими от стимулов. Попытка же объяснить человеческие способности в картезианском духе имеет меньшее значение» (Хомский Н. Картезианская лингвистика. М., 2005. С. 33).
- ⁹ Cordemoy G. de. Oeuvres philosophiques. P., 1968. P. 234.
- ¹⁰ Ibid. P. 255.
- ¹¹ Подобного рода идеи созвучны размышлениям Хомского о «внутреннем схематизме», врожденном механизме, позволяющем ребенку осваивать языки.
- ¹² Cordemoy G. de. Oeuvres philosophiques. P., 1968. P. 258.

- ¹³ *Bouillier F.* Histoire de la philosophie cartésienne. P., 1854. Т. I. P. 506.
- ¹⁴ *Damiron J.P.* Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XVII siècle. P., 1846. Т. II. P. 120. Заметим, что Дамирон совершенно обходит молчанием атомистическую концепцию автора «Различения».
- ¹⁵ *Prost J.* Essai sur l'atomisme et l'occasionalisme dans la philosophie cartésienne. P., 1907. P. 56.
- ¹⁶ Имеются в виду атомизм и окказионализм. *Mouy P.* Le développement de la physique cartésienne. P., 934. P. 106.
- ¹⁷ *Bréhier E.* Histoire de la philosophie. P., 2004. P. 821.
- ¹⁸ *Malebranche N.* Oeuvres. P., 1979. Т. I. P. 91.

Библиография

- Хомский Н.* Картезианская лингвистика. М., 2005.
- Bouillier F.* Histoire de la philosophie cartésienne. P., 1854. Т. I.
- Bréhier E.* Histoire de la philosophie. P., 2004.
- Cordemoy G. de.* Oeuvres philosophiques. P., 1968.
- Damiron J.P.* Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XVII siècle. P., 1846. Т. II.
- Leibniz G.W.* Die philosophischen Schriften. B., 1875–1890. Bd. I–VII.
- Malebranche N.* Oeuvres. P., 1979–1992. Т. 1–2.
- Prost J.* Essai sur l'atomisme et l'occasionalisme dans la philosophie cartésienne P., 1907.
- Mouy P.* Le développement de la physique cartésienne. P., 1934.